

универсальную картину национального бытия, Платонов часто использует жанровые модели сказки, религиозной легенды, жития, в которых, как в матрицах, хранится информация о том, что принято называть национальным характером. Житие — один из наиболее активных архаических жанров в платоновском творчестве. Он активен на протяжении всей творческой эволюции писателя и встречается как в качестве самостоятельного жанра, так и в качестве одного из жанровых архетипов его романов.

В докладе А. Л. Семеновой (Великий Новгород) «Тема бессмертия в рассказе А. Богданова „Праздник бессмертия“ и А. Платонова „Приключения Баклажанова“» была «реанимирована», казалось бы, давно осмысленная проблематика. По мнению А. Л. Семеновой, влияние идей А. Богданова на творчество А. Платонова, которое неоднократно констатировалось исследователями, по-прежнему заслуживает внимания, особенно если говорить об идее бессмертия. А. Богданов создает свой рассказ в десятки годы двадцатого века как результат полемики с М. Горьким. По мысли философа, «вопрос о смерти является важным и интересным как для научного миропонимания, так и для эстетического мироощущения». Задача Богданова состояла в том, чтобы выразить взгляд на проблему смерти и бессмертия, который должен быть присущ коллективисту. Очевидно, что для Богданова смерть — путь обновления жизни, возможность ее развития. Это «элемент... трагической красоты жизни». Рассказ Богданова

был опубликован в 1914 году. Был ли знаком с этим рассказом А. Платонов, сказать затруднительно, однако игнорировать его при рассмотрении платоновского интереса к данной теме нельзя.

В заключительном докладе Е. И. Колесниковой «„Поэтика двойственности“ и проблема авторефлексии» была предпринята попытка осмыслить эстетические причины платоновской «двойственности». Е. И. Колесникова рассмотрела различные формы автокомментария у Платонова и повторного обращения к предшествующим текстам. Некоторые из комментариев писателя к собственным произведениям (например, к сценарию «Песчаной учительницы») позволяют точнее представить замысел произведения. Другие помогают выявить соотношение реального факта и вымысла — таковы дневниковые записи Платонова. В рассказе же «Умственный хутор» демонстрируется прием иронической реакции на текст внутри текста, кардинально меняющей представление об авторской точке зрения: в концовке неожиданно сообщается, что в нем излагается всего лишь процесс съемки фильма. «Плавающую» точку зрения и амбивалентность, свойственные почти всем платоновским текстам и представляющие собой важнейшие черты его творчества, Е. И. Колесникова объясняет непрекращающимся диалогом художника с самим собой.

© В. Ю. Вьюгин

ВТОРЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ (МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ В ДРЕВНЕЙ РУСИ»)

28 ноября 2003 года Д. С. Лихачеву исполнилось бы 97 лет. К этому дню была приурочена Международная конференция «Историческое повествование в Древней Руси», которая проходила 24—28 ноября в рамках Вторых Лихачевских чтений.¹ Организована конференция была Отделом древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (председатель оргкомитета — доктор филол. наук А. Г. Бобров, координатор — канд. филол. наук М. А. Федотова) при финансовой поддержке Российского гума-

нитарного научного фонда и Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева. В конференции приняли участие ученые из десяти стран. Кроме исследователей из разных городов России (Москвы, Пскова, Новосибирска, Волгограда, Орла, Ферапонтова) в С.-Петербурге приехали коллеги из Болгарии, Венгрии, Германии, Италии, Польши, США, Украины, Чехии и Японии.

Открывая конференцию, зав. Отделом древнерусской литературы О. В. Творогов сказал, что выбор тематики Вторых Лихачевских чтений не был случайным: историческое повествование всегда было в центре внимания Д. С. Лихачева. Выступавший напомнил о монографии ученого, посвященной русскому летописанию, о его издании «Повести временных лет», о его вкладе в изучение русской хронографии и исторических повестей. Круг научных интересов Д. С. Лихачева был чрез-

¹ Первые Лихачевские чтения проходили в годовщину смерти Д. С. Лихачева 29 сентября—3 октября 2000 года. См.: Семячко С. А. Первые Лихачевские чтения (Международная конференция «Христианство и древнерусская литература») // Русская литература. 2001. № 2. С. 222—229.

вычайно широк, и отраднo, что стимулированные им направления продолжают успешно развиваться: завершена работа над фундаментальным «Словарем книжников и книжности Древней Руси», выходят очередные тома «Библиотеки литературы Древней Руси», создается картотека рукописей, содержащих агиографические тексты. А ведущие споры о принципах изучения и издания памятников исторического повествования, о датировке и интерпретации отдельных текстов свидетельствуют о том, что отечественная медиевистика живет и развивается в многообразии суждений, в том неразрывном единстве историко-литературных концепций и частных источниковедческих и текстологических наблюдений, которое было присуще всем работам Д. С. Лихачева.

От имени одного из спонсоров конференции, Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева, участников Вторых Лихачевских чтений приветствовал председатель его санкт-петербургского отделения А. В. Кобак, который коротко охарактеризовал работу фонда и пожелал участникам конференции успешной работы.

Первым на пленарном заседании (председатели — заведующий Отделом древнерусской литературы ИРЛИ РАН, доктор филол. наук О. В. Творогов и директор Института филологии СО РАН, чл.-кор. РАН Е. К. Ромодановская) был доклад ведущего научного сотрудника ИРЛИ, доктора филол. наук Г. М. Прохорова «Русская летопись как жанр». Отметив, что летопись повествует «о течениях на Руси земного времени» и что духовными координатами летописца являются «Вечность и Прошлое в их связи с наличествующим настоящим», докладчик выделил некоторые характеристики летописания как жанра: во-первых, «коллективность и безымянность авторов-летописателей» как главную жанровую особенность; во-вторых, протяженность процесса летописания (в отличие от «точечного» процесса создания жития, повести или рассказа). Кроме того, Г. М. Прохоров обратил внимание слушателей на внутрижанровое подразделение на общерусские и местные летописи. Основная часть доклада была посвящена характеристике процесса общерусского летописания, которое велось с XI (или X) по XVII (или XVIII) век с некоторыми перерывами. Первый перерыв, с точки зрения докладчика, наступил после 1115 года и закончился в 1185 году, второй связан с татаро-монгольским нашествием и относится к 1237—1251 годам. Докладчик отметил важную трансформацию центрального русского летописания на рубеже XV и XVI веков — «оно было сделано продолжением всемирной истории, начиная с библейской, оканчивая византийской». Чуть позднее историческое повествование приобрело «вертикальное» измерение. Примером этого может служить «Степенная книга», позаимствовавшая принцип ступенчатого восхождения у «Лествицы» Иоанна Синайского. Во вто-

рой половине XVI века историческое повествование становится авторским, а последний расцвет летописания, как указал Г. М. Прохоров, приходится на вторую половину XVII века.

Доклад доктора филол. наук, проф. Н. С. Демковой (СПбГУ) — «Поучение Владимира Мономаха: многофункциональность „фабулы“ жизни князя» — был посвящен анализу текста выдающегося памятника киевской литературы начала XII века, который интерпретируется в научной традиции как произведение в основном общественного звучания. Н. С. Демкова стремилась выявить в тексте иной — личный — компонент, обратив внимание на фигуры непосредственных адресатов Поучения — младших сыновей Владимира Мономаха. Беседа умудренного жизненным опытом отца с молодыми княжичами, вступающими в самостоятельную жизнь, определила хронологические рамки воспоминаний Мономаха о его молодых годах и отбор фактов, выступающих в совокупности «фабулу» жизни князя как образ правителя, гармонически сочетавшего воинскую доблесть и христианские добродетели, личную ответственность за свои поступки и осознание красоты и радости бытия. Параллели с Гимнами Солнцу Франциска Ассизского (XIII век), отмечаемые исследовательницей, позволяют рассматривать Поучение как памятник христианской гуманистической мысли. Оригинальным является подход Н. С. Демковой к проблеме происхождения комплекса сочинений Владимира Мономаха в Лаврентьевской летописи: она рассматривает его как случайно сохранившуюся часть личного архива Мономаха, дошедшую до составителей летописи в виде свитков, возможно из переяславских источников (князем Переяславля долгие годы был сын Владимира Мономаха Андрей Добрый).

Предметом доклада доктора ист. наук Н. В. Сивининой (Институт российской истории РАН, Москва) «„Сказание о князьях владимирских“ (в соединении с «Летописцем вскоре» патриарха Никифора)» был новый вариант Медоварцевской редакции Сказания. Материалом послужили известный ранее список БАН (Арханг. собр. Р. 193) и новонайденный список ГИМ (Синод. собр. № 939), в которых вслед за «Летописцем вскоре» идет Медоварцевская редакция «Сказания о князьях владимирских». Эти списки, с точки зрения Н. В. Сивининой, отражают разные этапы составительской работы — работы, которая велась в монастыре Николы Старого и была прервана судом 1531 года, не позволившим завершить этот труд.

Доктор ист. наук В. Я. Петрухин (Москва, доклад «Как начиналась Начальная летопись?») предположил, что уже Начальный свод 1090-х годов имел космографическое введение, основанное на Хронографе по Великому изложению, и начинался вопросами о начале Русской земли, т. е. представлял собой первую редакцию «Повести временных лет».

Назвав свой доклад «Священная история в познавательных произведениях Древней Руси», доцент филологического факультета СПбГУ, канд. филол. наук М. В. Рождественская тем самым повторила название вступительной статьи Д. С. Лихачева к третьему тому «Библиотеки литературы Древней Руси», в котором помещены апокрифические сочинения. Докладчица рассмотрела понятие «познавательности», как его употребил Д. С. Лихачев применительно к библейским апокрифам. Исходя из положения, что познание в Средневековье, как правило, было словесным (познать что-то значит назвать), Д. С. Лихачев отмечал, что знание в представлении древнерусских книжников должно было быть «интересным и нравственно ценным». Такое отношение к знанию было в высшей степени присуще и самому ученому, сказала докладчица, и он пронес его через всю свою долгую жизнь.

Работа конференции протекала в двух секциях — «Летописи и хроники» (секретарь — канд. филол. наук С. А. Семячко) и «Историческое повествование» (секретарь — канд. филол. наук В. А. Ромодановская).

Вечернее заседание 24 ноября на секции «Летописи и хроники» (председатель — Н. Ф. Котляр) началось с доклада докт. ист. наук М. Б. Свердлов (СПбИ РАН) «Отбор и интерпретация исторической информации в „Повести временных лет“». Докладчик пришел к выводу, что «при изложении основных событий распространения христианства на Руси и истории русской церкви в ПВЛ осознанно не учитывались те сведения, которые содержали информацию о ее бытии в составе единой вселенской церкви до раскола 1054 года, о воздействии западной политики русских князей на практику христианской организации на Руси до введения христианства в качестве государственной религии и после этого события. Таким образом, в 10-е годы XII века ретроспективно выстраивалась стройная и внутренне целостная история русской православной церкви, лишенная реальных сложностей становления и развития, в частности в результате ее взаимодействия с княжеской властью». По наблюдениям М. Б. Свердлова, в ПВЛ не отразились и многообразные виды взаимодействия русских князей с католическими правящими европейскими домами. Возникшее после 1054 года противостояние между православным и католическим направлениями в христианстве стало «причиной отсутствия в летописном тексте в качестве авторедактирования или редактирования свидетельств княжеского христианского сознания в пределах единой вселенской церкви и княжеского политического сознания в пределах единого европейского мира».

В поисках сказочных элементов в «Повести временных лет» доктор филол. наук А. А. Шайкин (Орловский педагогический институт) в докладе «История и сказка в „Повести временных лет“» проанализировал исто-

рию мщения княгини Ольги древлянам, историю князя Владимира, сюжет о юноше-кожемяке и рассказ о событиях 1015—1019 годов.²

Канд. филол. наук А. А. Гиппиус (Институт славяноведения и балканистики РАН, Москва) в докладе «К проблеме третьей редакции „Повести временных лет“» вступил в спор с Л. Мюллером и О. В. Твороговым, считаящим положение о третьей редакции ПВЛ неубедительным. Полагая, что рано отказываться от гипотезы о третьей редакции, А. А. Гиппиус выделил относящиеся к ней сведения. При этом докладчик отметил, что нельзя исходить из того, что всякий новый вариант текста сопровождается созданием нового списка.

Академик АН Украины П. П. Толочко (Киев) в докладе «Русско-византийские договоры и время их включения в летопись» высказал несколько положений. Во-первых, он считает, что «наличие славянского текста не должно вызывать сомнения». Во-вторых, с точки зрения исследователя, «скорее всего, предполагалось изначальное составление договора на двух языках». В-третьих, в Киеве тексты договора оказались тогда, «когда в столицу Руси возвращалось русское посольство, участвовавшее в переговорах о заключении мира». И в-четвертых, «эти договоры были отражены уже в Киевском своде 996 года».

А. Ф. Литвина представила совместный доклад Ф. Б. Успенского и А. Ф. Литвиной (Москва) «Святослав Игоревич и Святослав Ярославич: два летописных портрета», посвященный традиции именования в княжеском роде и отражению этого в летописании.

Работу секции «Историческое повествование» вечером 24 ноября (председатель — К. Ханник) открыл доклад М. Гардзанини (Флоренция) «К вопросу о новой интерпретации Повести о начале Москвы». Не касаясь проблемы исторической достоверности описанных в Повести событий, автор рассматривает значение и роль этого произведения в распространении идеи «Москва — Третий Рим». На непосредственную связь Повести с этой концепцией указывает вступление, в котором прямо цитируется Послание Филофея о неколебимости Третьего Рима. Анонимный

² Доклад был повторением сделанного несколько ранее на II Международной научной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси». Тезисы его см.: Древняя Русь. 2003. № 4(14). С. 80—82.

³ К сожалению, вместо заявленного доклада «Значение и роль библейских цитат в историческом повествовании в Древней Руси» автор повторил выступление на II Международной научной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси», тезисы которого опубликованы: Гардзанини М. К вопросу о новой интерпретации «Повести о начале Москвы» // Древняя Русь. 2003. № 4(14). С. 12—13.

автор «Повести о начале Москвы» по идеологическим соображениям отступает от традиционной интерпретации истории Руси и Московии и основывается «на парадигме римской истории». Созданная в начале XVII века в церковных кругах «Повесть о начале Москвы» является непосредственным продолжением идеи римского универсализма, представляет универсалистское видение истории Москвы, полемическое значение которого, по мнению докладчика, оценено недостаточно.

В докладе К. Ивановой (София) «Исторические мотивы в переводной агиографии IX—X веков» рассматривались наиболее ранние переводы житийной литературы, определялись функциональная нагрузка включенных в текст исторических мотивов, а также изменение отношения к ним с течением времени.

Канд. ист. наук М. А. Шибаев (РНБ, Санкт-Петербург) в своем докладе «К вопросу о происхождении произведения XV века „Словеса избрана от святых писаний...“» остановился на одном из малоизученных произведений Древней Руси, посвященном присоединению Новгорода к Москве в 1471 году. Памятник интересен тем, что только в этом источнике особо подчеркнута роль Марфы Борецкой, активного инициатора сопротивления Новгорода. Другой яркой чертой «Словеса избранных...» является четкая антилатинская направленность. Докладчиком обнаружена текстуальная и идеологическая связь с другим антилатинским сочинением — «Словом избранным от святых писаний, еже на латыню», рассказывающим о Ферраро-Флорентийском соборе. М. А. Шибаев привел аргументы в пользу датировки «Словеса» 1471—1473 годами. В докладе также было показано, что Базевский список Софийской I летописи младшей редакции является оригиналом летописного текста, продолжившим младшую редакцию Софийской I летописи периодом 1424—1473 годов и оканчивающимся именем «Словесами избранными».

В докладе «„Видение царя Амфилохия“ — между историей и литургическим толкованием» Г. Минчев (Лодзь) представил вниманию слушателей апокрифический памятник, основным содержанием которого является народное толкование литургии и перевод которого с греческого был распространен в Болгарии, по мнению докладчика, с XIV века. Из болгарской литературы «Видение царя Амфилохия» проникает в валашскую и молдавскую литературу, а также в православные литературные круги на территории современных Польши, Белоруссии и Украины. Восточнославянские редакции памятника, отмечает Г. Минчев, при этом существенно отличаются от балканских. В конце XVIII—начале XIX века «Видение царя Амфилохия» распространяется также и в румынских литературных кругах. В начале XIX века в Болгарии иеросхимонахом Спиридonom производится особая компиляция текста «Видения...», однако источником для нее послужили, по всей веро-

ятности, не болгарские, а восточнославянские и румынские тексты. «Видение царя Амфилохия» в редакции Спиридона, отметил докладчик, «представляет собой мозаику» канонических и псевдоканонических фрагментов греческих толкований богослужения, переплетающихся с оригинальными фрагментами «Видения...».

Доклад канд. филол. наук В. А. Ромодановской (ИРЛИ) «Рассказ о блаженном Иерониме в русской рукописной Библии XV века» был посвящен неизвестному тексту о создателе Вульгаты Иерониме, включенному в один из вариантов русской Библии, созданной в 1490-е годы при дворе новгородского архиепископа Геннадия. Докладчица определила источники, бывшие в руках составителя латинского оригинала данного текста: это житие Иеронима из Мартиролога Адо Вьеннского и датируемое V веком житие из Амвросиевского кодекса, позднее признанное неканоническим и продолжавшее читаться лишь в хорватско-глаголической литературе, а также «Золотая легенда» Якова Ворагинского. Вполне возможно, считает автор доклада, что русские рукописи сохранили перевод не дошедшего до наших дней — и оставшегося неизвестным — еще одного жития Иеронима блаженного, распространенного в Хорватии и Пражском Эммаусском монастыре.

В основу доклада М. С. Серебряковой (Ферапонтово) «Жития Кирилла и Ферапонта как исторический источник об основании Кириллова и Ферапонтова монастырей» легло сопоставление текстов Жития Кирилла, написанного Пахомием Логофетом в 1461—1462 годах, и Жития Ферапонта, составленного в 1540-х годах, с актами Кирилло-Белозерского монастыря начала XVI века, летописными сведениями и надписями на антиминсах. На основании анализа богатого материала автор доклада сделала вывод о достоверности исторических сведений, содержащихся в Житии Кирилла Белозерского.

Председательствовавший на утреннем заседании секции «Летописи и хроники» 25 ноября Е. Г. Водолазкин первой предоставил слово В. Ю. Франчук (Киев), которая прочитала доклад «Композиция летописного рассказа о походе князя Игоря». На основе анализа текста докладчица пришла к выводу, что композиция рассказа о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 году в Ипатьевской летописи показывает зависимость его текста от «Слова о полку Игореве».

Старший науч. сотр. ИРЛИ, канд. филол. наук Л. В. Соколова (доклад «События 1185 года в историческом и художественном повествовании») обратила внимание на то, что при построении своей гипотезы ученые не всегда должным образом учитывают различие произведений, входящих в тематический цикл, считая возможным рассматривать их как некий единый текст. В качестве примера она сослалась на работу проф. Р. Пиккио «„Слово о полку Игореве“ как памятник рели-

гиозной литературы Древней Руси». ⁴ Методологический прием Р. Пиккио (ученый называет его «интертекстуальное исследование») заключается в том, что автор прочитывает вместе три известных произведения о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 году, «Слово о полку Игореве» и рассказы Ипатьевской и Лаврентьевской летописей, объединяя сведения одного текста со сведениями двух других. Каждый вывод, делаемый далее Р. Пиккио на основании одного из текстов, автоматически переносится и на два других произведения о походе князя Игоря. Показав идеологическое, мировоззренческое и литературное различие трех произведений о походе 1185 года, Л. В. Соколова пришла к выводу, что «Слово о полку Игореве» нельзя рассматривать как религиозную назидательную историю о возгордившемся и наказанном за это воине. Смысл «Слова...» гораздо глубже, а задачи несравненно более высокие.

Чл.-кор. АН Украины Н. Ф. Котляр (Киев) выделил две группы устных источников Галицко-Волынской летописи: фольклорные предания и свидетельства очевидцев. Среди источников первой группы особую роль исследователь отводит дружинному эпосу, полагая, что «при дворе Романовичей жили певцы-составители песен или баллад». Источники второй группы Н. Ф. Котляр считает преобладающими «по своему значению и месту в Галицко-Волынском своде». Среди них — описания воинских походов, осад и штурмов городов. Устные источники летописи не только обогатили ее информативно, но и повысили эмоциональность и образность ее рассказов.

Естественным продолжением этой темы стал доклад немецкого ученого Д. Гетца (Вюрцбург) «Сопоставительная характеристика князя Даниила как исторической личности и его представление в Галицко-Волынской летописи». Докладчик сосредоточился на анализе исторического содержания Галицко-Волынской летописи и его подоплеке, особо рассмотрев вопрос о взаимоотношениях с татарами и об отношении князя Даниила с папой римским.

В докладе Т. В. Гимона (Центр «Восточная Европа в древности и Средневековье», Москва) «Редактирование летописей в XIII—XV веках: анализ разночтений между списками Новгородской I летописи» был представлен вариант анализа разночтений с помощью электронной таблицы. Этот анализ, по мнению исследователя, должен включать в себя следующие этапы: «1) каталогизация всех разночтений (это удобнее всего сделать в форме электронной таблицы); 2) построение общей генеалогии (стеммы) рукописей; 3) определение того, на каком этапе возникло каждое из разночтений (какой конкретно книжник произвел каждое из изменений); 4) изучение работы каждого из книжников — системати-

ческий анализ, классификация и интерпретация произведенных им изменений текста; 5) исследование разночтений как самостоятельного (и датированного!) источника исторической и лингвистической информации». Т. В. Гимон был предложен пробный этап исследования на основе 639 разночтений в тексте 6733—6763 (1225—1255) годов.

Исследователь из Японии А. Накадзава (Тояма, доклад «О Софийском Временнике: к уточнению понятия гипотетической новгородской летописи») полагает, что термин «Софийский Временник» впервые появился в первой подборке Новгородской Карамзинской летописи и отразил ее церковную ориентацию. С его точки зрения, составитель этой летописи, «соединяя летописные известия новгородского и киевского происхождения, стремился показать историю русской и новгородской церкви в контексте общерусской системы церковного управления».

Доцент исторического факультета С.-Петербургского университета А. В. Майоров (доклад «О Полоцкой летописи Татищева»), проанализировав две редакции «Истории Российской» В. Н. Татищева, пришел к выводу, что в распоряжении автора XVIII века была некая реально существовавшая Полоцкая летопись.

Утреннее заседание секции «Историческое повествование» (председатель — Дж. Броджес Беркофф) открылось докладом ведущего научн. сотр. ИРЛИ, доктора филол. наук А. Г. Боброва «Священноиннок Ефросин как историограф», который был посвящен дошедшему до нас в автографе краткому летописцу Ефросина Белозерского. По мнению Я. С. Лурье, летописец Ефросина является «кратким, но последовательным конспектом» Летописца Русского, доводящего повествование до 1482 года и также происходящего из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря. Сравнение этих памятников позволяет утверждать, что переписанный Ефросином текст имеет все признаки первичности. Как датировка списка по филиграммам, так и анализ самого текста подводят докладчика к выводу, что летописец Ефросина был создан и переписан в первой половине 1460-х годов. Он был источником, своего рода «заготовкой» более поздних произведений (Летописца Русского, Кирилло-Белозерского свода начала 1470-х годов). Наличие в списке Ефросина многочисленных приписок и правки текста позволяет утверждать с большой долей вероятности, что эта подборка летописных известий принадлежит самому Ефросину. Он последовательно соединял чтения Троицкой и Софийской I летописей и провел научную текстологическую работу, выявив основные смысловые и хронологические разночтения двух главных летописных памятников своей эпохи. По мнению докладчика, летописец Ефросина — это не рядовой «кирилловский краткий летописчик», каким он виделся исследователям до сих пор, а серьезный аналитический труд, впоследствии послуживший

⁴ ТОДРЛ. 1996. Т. 50. С. 430—443.

основой для многих историографических памятников второй половины XV века.

Доклад М. Б. Плехановой (Рим) «Происхождение Повести о Лорето и ее контакты с русским летописанием» был посвящен Сказанию о чуде Лорето (о переносе ангелами дома Богородицы с иконой апостола Луки из Назарета в Италию), которое было передано в Московскую Русь в версии, промежуточной между первоначальным текстом Терамано конца 60-х годов XV века и развернутой версией Дж. Анжелиты, напечатанной в начале 1530-х годов. В создании этой версии участвовали жители Славонии (балканское побережье Адриатики), где, согласно лоретской легенде, святые остановились на три года перед тем, как перейти в Италию, и где существовал культ Одигитрии, тесно связанный с культом Лорето. Докладчица высказала мнение, что одним из элементов в развитии культа Лорето были отзвуки богослужения Одигитрии, которое складывалось в XIV веке на христианском Востоке и которое, по-видимому, было воспринято населением западной части Балканского полуострова. Как указание на это можно рассматривать символический мотив остановки святых в Славонии. Общность корней способствовала многообразным контактам между культами Лорето и культами русских Одигитрий.

Доклад канд. филол. наук Л. И. Журовой (Институт истории СО РАН, Новосибирск) «История полемики с латинами в сочинениях Максима Грека» был посвящен «Повести о латинах» (ГИМ. Барс. 364, сер. XVI в.) — анонимному тексту, составленному из фрагментов ранних сочинений Максима Грека (первого послания Федору Карпову против астрологии, двух последних ему же против латинян), сочинений Никиты Стифата, Никиты Никейца, послания киевского митрополита Иоанна папе Клименту. «Повесть» близка текстам, известным по сборникам, а не статье, помещенной в Еллинском летописце 2-й редакции и ВМЧ. Важное отличие барсовского списка «Повести» — приуроченная к имени папы Иоанна VIII вставка, заимствованная из первого послания Максима Грека против латинян («Слово на латинов»). Текстуальные различия между списками послания Иоанна указывают на динамику сложения переводного текста Максима Грека. Особенностью его ранних полемических сочинений, по мнению докладчицы, является структурирование текста по принципу включения в авторские рассуждения «чужого слова» (библейской и святоотеческой цитаты). В ранних антилатинских посланиях Максим Грек выступал скорее как *составитель*, нежели как *сочинитель*. Иная картина — в главах систематизированных авторских собраний, где автор только ссылается на авторитет учителей Церкви. Отсутствие цитат, «чужой речи» как опоры, поддерживающей строение публицистического повествования, может дать основание для характеристики другого этапа в антилатинской полемике Максима Грека.

Канд. ист. наук А. В. Силенов (СПбГУ) в докладе «Черновик Степенной книги и редакторская деятельность митрополита Афанасия» представил результаты изучения раннего этапа истории текста Степенной книги, ее черновика, Волковского списка (РГАДА. Ф. 181. № 185) и трех его непосредственных копий, Томского (Томский краеведческий музей), Чудовского (ГИМ. Чуд. 358) и Пискаревского (РГБ. Ф. 228. № 177) списков, показал процесс составления памятника. Первоначальным этапом создания текста, по мнению А. В. Силенова, были тематические выписки из источников, фрагменты которых сохранились в составе Волковского списка. С текстом неоднократно работал редактор, правленные листы перебелились писцами и снова становились объектом редакторской правки. Выделяются различные этапы редакторской работы — перестановка и стилистическая обработка фрагментов, вставка отдельных агиографических произведений, расстановка дат, разделение текста на грани и главы, поэтапное формирование заголовков и др. Редакторская правка присутствует в основном в черновике, Волковском списке, и в гораздо меньшем объеме в его копиях начала 60-х годов XVI века. Особенности редакторского почерка позволяют, по мнению докладчика, отождествить его с почерком предполагаемого автора Степенной книги митрополита Афанасия и охарактеризовать приемы редакторской работы последнего.

В докладе канд. филол. наук В. И. Охотниковой (Псков) «История сложения жития Всеволода—Гавриила в Степенной книге» речь шла о включении жития Всеволода—Гавриила в Степенную книгу, а также был рассмотрен вопрос об атрибуции Василию—Варлааму нескольких текстов в ее составе. Житие Всеволода—Гавриила при включении его в Степенную книгу было неоднократно отредактировано. На начальном этапе создания Степенной книги текст жития Всеволода в редакции Василия был соединен с Лаврентьевской летописью. Процесс дальнейшего редактирования, когда изымались листы рукописи и заменялись другими с новым текстом, прослеживается по Волковскому списку Степенной книги — архетипу всех последующих. Характер исправлений и описки, допущенные двумя редакторами при переделке текста Василия—Варлаама, доказывают, что Василий не был редактором написанного ранее жития Всеволода—Гавриила, как не был он и автором жития Александра Невского в составе Степенной книги.

В докладе канд. филол. наук О. В. Панченко (ИРЛИ) «Соловецкие летописцы XVI—XVIII веков» были рассмотрены основные памятники соловецкого летописания XVI—XVIII веков: 1) «Краткий соловецкий летописец 50—70 гг. XVI в.», 2) «Летописец игумена Иакова» — общерусская летопись конца XVI века, в которую игуменом Иаковом было включено около 30 статей, посвященных истории Соловецкого монастыря, 3) «Краткий летописец

сец дьякона Иеремии», созданный в 60—70-х годах XVII века; 4) «Соловецкий летописец» начала XVIII века. Особое внимание в докладе было уделено вопросу атрибуции второго из названных памятников игумену Иакову. В докладе были проанализированы все статьи летописца, имеющие «автобиографический» характер, и приведены доказательства того, что создателем его мог быть только игумен Иаков (считавшийся ранее лишь *инициатором* его создания). Коснувшись вопроса о времени составления известного «Соловецкого летописца» XVIII века (сохранившегося в множестве списков), О. В. Панченко привел доказательства того, что его Первоначальная редакция была создана в период между 1703 и 1707 годами, и опроверг мнение о том, что «Соловецкий летописец» был создан во второй половине XVII века. В докладе была рассмотрена история редактирования «Соловецкого летописца» в первой половине XVIII века и дана характеристика его четырех основных редакций. В заключение О. В. Панченко рассказал о той роли, которую сыграл в возрождении современного летописания на Соловках Д. С. Лихачев.

Два первых доклада вечернего заседания секции «Летописи и хроники» (председатель — В. Я. Петрухин) были посвящены палее.

Ведущий научн. сотр. ИРЛИ, доктор филол. наук А. А. Алексеев представил доклад «Палея в системе хронографического жанра», в котором преимущественно речь шла о Толковой палее. Толковую палею докладчик охарактеризовал как «народную Библию» с широким диапазоном религиозных и социальных функций, среди которых первое место занимает миссия, за нею следуют апология, полемика и, наконец, Священная история». Именно наличие последней функции связывает, с точки зрения докладчика, Толковую палею с хронографическим жанром. При редактировании характер первоначальной Толковой палеи мог изменяться, причем в разных направлениях. В редакции Коломенской палеи, сокращавшей библейский текст и удалявшей апокрифические дополнения, усиливалась апологетическая установка; в редакции Погодинской 1435 палеи получила преобладание календарная структура, что фактически вводило палею в строгие рамки хронографии.

В докладе «О некоторых итогах исследования Краткой Хронографической Палеи» научн. сотр. ИРЛИ, доктор филол. наук Е. Г. Водолазкин представил результаты текстологического изучения шести ныне известных списков этого памятника. В результате проведенного исследования были выделены две редакции памятника, независимо друг от друга восходящие к архетипу. Наиболее близким к архетипу является список Погодинского собрания РНБ № 1434, который и будет положен в основу предпринимаемого исследователем издания Краткой Хронографической Палеи. В докладе был затронут также вопрос о месте

и времени создания исследуемой хронографической компиляции. Есть основания полагать, что Краткая Хронографическая Палея была создана в XV веке в Новгороде. Е. Г. Водолазкин поделился также наблюдениями относительно жанровых особенностей памятника и причин его создания.

Сотрудница Рукописного отдела РГБ Т. В. Анисимова (Москва, доклад «Криница „переводу“ Досифея Топоркова») идентифицировала рукопись РГАДА. Ф. 181. № 1600 как упомянутую в Описи Иосифо-Волоколамского монастыря «Криницу вполдсть» (Криницей традиционно называли Хронику Георгия Амартола) «переводу» Досифея Топоркова.

Проф. М. Капальдо (Рим, доклад «Образ Атилле в древней русской хронографической компиляции»), проанализировав рассказы об Атилле в различных хрониках и хронографах, предложил свою схему взаимоотношений Хроники Малалы, Хронографа по Великому изложению, древней хронографической компиляции и Летописца Еллинского и Римского.

Доклад Р. Штихеля (Мюнстер) «Древнерусская версия «Иудейской войны» Иосифа Флавия — новые итоги» был построен на анализе исследовательской литературы за период с 1797 по 2003 год.

Венгерский ученый Андраш Золтан (Будапешт) прочитал доклад «Миграция одного текста: легенда о святой Урсуле в составе русских переводов Хроники М. Стрыйковского». Отметив, что «легенда о святой Урсуле и одиннадцать тысяч дев читается в обоих полных переводах Хроники М. Стрыйковского на русско-церковнославянский язык второй половины XVII века», исследователь установил источник текста — «латиноязычное произведение *Athila* венгерского гуманиста Миклоша Олаха» в переводе Циприана Базилика. Именно этому польскому переводчику принадлежит отождествление гуннов с венграми. По мнению А. Золтана, это отождествление было характерно для Западной Европы. Гуннов отождествляли с венграми и сами венгры. Не случайно в их оценке гуннов наблюдается двойственность: «венгерские авторы как венгры могут восхищаться победами гуннов и сочувствовать им в случае поражений, но как христиане они вынуждены осуждать „своих“ за приписываемые им западноевропейскими христианскими источниками зверства вроде убийства христианских мучеников». Закончил докладчик указанием на то, что фрагмент о святой Урсуле в русских переводах Хроники М. Стрыйковского «представляет собой самый ранний — и не опознанный до сих пор — перевод из венгерской литературы» на русский язык.

На вечернем заседании 25 ноября секции «Историческое повествование» председательствовала В. И. Охотникова.

Доклад канд. филол. наук И. А. Лобаковой (ИРЛИ) «Историческая повесть о митрополите Филиппе в составе историко-дидактического сборника XVII века» был посвящен

анализу пересказа жития митрополита Филиппа в составе сборника конца XVII века (БАН. Арханг. собр. С. 138). Исследовательница показала, что Повесть совпадает то с Краткой редакцией Жития (наиболее близкой архетипу), то с редакцией Милютинской Миней — т. е. является переработкой архетипного текста жития митрополита Филиппа. В результате переработки был исключен ряд эпизодов: рождение, воспитание Филиппа, уход в монастырь, подвиги, избрание игуменом, строительство на Соловках, избрание в митрополиты. Создателя повести интересовала лишь борьба между святителем и Иваном Грозным, более того, эти два персонажа составляют «историческую пару», подтверждающую, по словам И. А. Лобаковой, универсальность повествования о вечной борьбе жестокости, зла и самовластья с любовью, добром и милосердием.

В докладе канд. филол. наук М. А. Салминой (ИРЛИ) «Летописная повесть о нашествии Тохтамыша» было высказано предположение, что эта повесть, содержащаяся в Новгородской IV, Софийской I и Новгородско-Караминой летописях, датируемых М. А. Салминой XVI веком, является ископаемым. Описываемые в ней события отражают, таким образом, не взятие орднским царем Тохтамышем в 1382 году Москвы, а завоевание в 1563 году Полоцка московским войском, передовой полк которого возглавлял бывший царевич крымский Тохтамыш.

Доктор ист. наук И. О. Тюменцев (Волгоградский университет) в докладе «Сказание Авраамия Палицына как источник по истории Смутного времени в России начала XVII века» подтвердил гипотезу об использовании Авраамием в Сказании своих ранних произведений, написанных во время Смуты. Проведенный автором доклада тщательный анализ позволяет восстановить и основные этапы литературного творчества Авраамия Палицына, своеобразным подведением итогов которого стала «История в память предыдущим родам...», для которой Авраамий объединил и переработал ряд написанных ранее сочинений. Докладчик при этом подчеркнул, что использовать данные Авраамия Палицына, учитывая сложную литературную судьбу его сочинения, нужно с большой осторожностью, проверяя их по другим историческим источникам.

Сопоставлению двух значительных памятников иллюстрированного исторического повествования — Казанской истории и «Истории Сибирской» С. У. Ремезова — был посвящен доклад канд. филол. наук В. Н. Алексеева (ГПНТБ СО РАН, Новосибирск) «Художественная интерпретация авторского текста в иллюстрированном историческом повествовании XVII века. Казанская история и «История Сибирская»». Казанская история, созданная в XVI веке и насыщенная публицистическим пафосом, в XVII веке, когда возникают ее лицевые списки, теряет в восприятии иллюстраторов четкость своей жанровой структуры.

Художники воспринимали Казанскую историю как воинскую повесть — и выбирали соответствующие «образцы» для подражания. Рисунки «Истории Сибирской», созданные позже лицевых списков Казанской истории, отражают иное отношение иллюстраторов к историческим событиям. Как отметил докладчик, авторы рисунков «Сибирской истории» выстраивают в иллюстрациях повествовательный ряд, формируют его в соответствии с текстом, который воспринимается как своеобразный «протограф» рисунка. В «Истории Сибирской» старые иконографические каноны воспроизводятся как цитаты, из авторской комбинации которых рождаются, по словам докладчика, «новые иконические ряды» для адекватного воплощения в миниатюрах текста произведения.

В докладе доктора филол. наук С. А. Фомичева (ИРЛИ) «Еще раз о загадках княгини Ольги» сделана попытка осмыслить явные противоречия в летописных рассказах о первой древнерусской героине, стоящей на границе язычества и христианства. По канонической версии, Ольга — неизменно желанная невеста (Игоря, Мала, Константина), пока не обретает небесного жениха во Христе. Народная легенда, вероятно, повествовала о том, что героиня, будучи по происхождению простолюдиной, стала княгиней и благодаря своей мудрости преодолела все ниспосланные ей испытания. В докладе было высказано предположение, что по первоначальному преданию сватом Ольги выступил Олег Вещий, которого она должна была поразить каким-то мудрым поступком. Что же касается не осуждаемой летописцем ярости княгини по отношению к врагам, то это скорее языческая, чем христианская черта. Возможно, небесным покровителем псковитянки Ольги был св. Илья, который на заре христианизации Руси воспринимался подобием Перуна. Богородица, по народным представлениям, также называлась громницей и в некоторых случаях ставилась в особенно близкие отношения к Илье Пророку, громовику или громовержцу.

26 ноября утреннее заседание секции «Летописи и хроники» (председатель — М. Капальдо) открыл доклад канд. филол. наук О. Л. Новиковой (Санкт-Петербург) «От гипотезы к факту: неизвестный летописный памятник времени архиепископа Геннадия». Этот доклад был посвящен неизвестной до настоящего времени редакции Краткого летописца новгородских владык. Созданная не позднее 1503 года, редакция позволяет отнести этот памятник к наиболее ранним новгородским летописным текстам XVI века. Впоследствии он лег в основу практически всех новгородских летописей XVI—XVII веков и «софийских» сборников.

Канд. филол. наук Н. И. Милютенко (Санкт-Петербург, доклад «Летописные рассказы о битвах дружинного и монашеского происхождения») показала, что в «Повести временных лет» можно выделить несколько типов рассказов о битвах: дружинные предания,

описания современников-монахов, рассказы дружинников — участников боев. Они локализованы в пределах сводов — предшественников ПВЛ, выделенных А. А. Шахматовым и Д. С. Лихачевым. Описания боев, содержащие конкретные детали и технические подробности, есть только в рассказе о правлении Ярослава Мудрого (1015—1054 годы). Они отличаются от монашеских сообщений из Киево-Печерских сводов 1070-х и 1090-х годов. Это позволило докладчице сделать вывод, что в указанный период летописание велось не при митрополитом дворе, а при дворе Ярослава Мудрого.

Сотрудник Древлехранилища им. В. И. Малышева ИРЛИ РАН Г. В. Маркелов представил сборник конца XVI—начала XVII века из собрания БАН, составленный, судя по припискам частного характера, в Казани. Основное внимание докладчик уделил находящемуся в этом сборнике «Летописцу небесных знамений». Материал, положенный в основу этого произведения, заимствован из русских летописей и при этом значительно скорректирован; источником нерусских известий явился Хронограф 1512 года. Сборник иллюстрирован. Всего в нем находится более 60 иллюстраций, изображающих небесные знамения (их должно быть почти вдвое больше, в сборнике оставлены пустые места в рамках). Анализ рисунков позволил докладчику сделать вывод о том, что «Хроника чудес» Лекостена (возможно, в переводе) послужила казанскому автору моделью, и более широкий вывод — о включенности русского автора в европейскую культуру.

Канд. ист. наук В. Г. Вовина (СПбИИ РАН) выступила с докладом «В. Л. Комарович — исследователь летописания». Василий Леонидович Комарович погиб во время блокады Ленинграда в 1942 году. Неоконченная рукопись его монографии о русских летописях хранится в Архиве Пушкинского Дома. Лишь две ее части были опубликованы в 1960—1970-е годы. Анализ этого текста с привлечением разделов, написанных В. Л. Комаровичем для академического издания «Истории русской литературы» (Т. 1—3), а также его ранней книги о китежской легенде помогает восстановить взгляды ученого на летописание в их целостности. В. Л. Комарович следовал за А. А. Шахматовым, когда писал о раннем летописании, хотя расходился с последним в ряде моментов. Но главным объектом его интересов было «областное летописание» нескольких «княжеских гнезд», образовавшихся после распада Киевской Руси. Он пытался реконструировать рязанский и ростовский своды, отразившиеся в некоторых ранних и поздних (Никоновская летопись) текстах. Особенностью научного творчества В. Л. Комаровича было сочетание им методов текстологии с исследованием широкого культурно-исторического фона трагической эпохи, когда происходил переход от дружинной Руси к Руси великокняжеской.

Первой на утреннем заседании 26 ноября секции «Историческое повествование» (пред-

седатель — С. Матхаузерова) прочитала доклад Дж. Броджи Беркофф (Рим) — «Стефан Яворский и история. (На материале его собственноручных заметок на полях принадлежавших ему книг)». Основой для исследования послужили книги его библиотеки, хранящейся в Харькове, в Университетской и Национальной библиотеках. Впервые интерпретированы примечания Стефана Яворского, обнаруженные на полях исторических сочинений; его пометы позволяют выявить политические, антипапские и антиеретические взгляды писателя. Интерес Яворского к истории, в отличие от Дмитрия Ростовского, имел характер «вспомогательного искусства» по отношению к сочинению проповедей или полемических трактатов. Для Яворского история была научной вспомогательной, подчиненной наукам «высшим», т. е. Философии и прежде всего Теологии. Стефан Яворский не был историком, он был поэтом, но главное — теологом и проповедником. Этим он и занимался как на Украине, так и в России, и благодаря этим сторонам его деятельности его пригласил на службу и ценил (несмотря на многочисленные разногласия) царь Петр. Но в вопросах истории царь обращался в большинстве случаев не к духовенству, а к иным, светским, современно думающим историкам.

Доклад К. Ханника (Вюрцбург) «Биографический очерк Ивана Шушерина о патриархе Никоне» затронул весьма интересную тему: создание не жития, но официальной литературной биографии при жизни главного действующего лица. С этой точки зрения сочинение Шушерина — биография патриарха Никона — является «парным» произведением к современной ему автобиографии — Житию протопопа Аввакума.

Доктор филол. наук Е. И. Дергачева-Скоп (Новосибирский гос. университет) посвятила свой доклад «„Мемораты“ в исторической прозе XVII века» определению типов собственно исторического повествования. Так, по мнению докладчицы, выделяется «историческое повествование, защищенное авторитетом и канонами „книжной школы“», — это официальный тип исторического повествования, причем официальный заказ, идеологические задачи или следование книжника определенной литературной школе диктуют и «уровень историзма». От этого типа отличается «народный» тип исторического повествования, который включает собственно «мемораты» и меморатные в своей основе «устные летописи». Эти произведения наравне с историческими фактами включают слухи и толки, воспринятые как достоверные события. В этих произведениях особое место уделяется факту, которым автор не поступает в угоду канону. Для собственно меморатов характерен культ исторической детали как факта человеческой памяти. Народный тип исторического повествования, в обеих своих разновидностях, поглощается, как отметила Е. И. Дергачева-Скоп, традиционной литературой в период «благо-

склонного» отношения последней к демократической традиции или как результат активного вмешательства самого демократического читателя в текст официальной книжной традиции.

Канд. филол. наук Л. В. Титова (Институт истории СО РАН, Новосибирск) прочитала доклад «Жанр „видений“ в историко-публицистических текстах XVII века: Сказание Аврааима Палицына об осаде Троице-Сергиевой лавры и Послание дьякона Федора сыну Максиму». На примере «видений», содержащихся в этих двух произведениях, Л. В. Титовой показаны те новшества, которые были привнесены публицистами эпохи Смуты в литературу XVII века и которые успешно развивались полемистами второй половины века. Особое внимание в докладе было уделено специфике «видений», описываемых дьяконом Федором в Послании. Из-за политической заостренности эти авторские «видения» изымались из рукописей, что является ярким примером их публицистической действительности.

В докладе доктора филол. наук Е. М. Юхименко (ГИМ, Москва) «Выго-Лексинский летописец: история создания и текста» был дан полный источниковедческий анализ Выго-Лексинского летописца и определено место этого памятника в кругу сочинений выговской литературной школы. Изучение выговских рукописей XVIII—XIX веков выявило первоначальное отсутствие в старообрядческой киновии летописания как самостоятельного жанра. Интерес к собственной истории удовлетворялся в то время многочисленными памятниками других, повествовательных жанров. Необходимость составления краткого летописца обнаружилась лишь к 60—70-м годам XVIII века, когда на основании письменных источников были составлены Первая редакция Выго-Лексинского летописца и дополнявший ее свод синодичных записей. Новый этап летописной традиции Выга связан с подъемом духовной и культурной жизни старообрядческой киновии, начавшимся с 80-х годов XVIII века. Около 1819 года Феодосия Герасимова составила Сводную редакцию памятника; под пером этой книжницы летописание Выга приобрело новый масштаб: история старообрядческой киновии была включена в канву общероссийских событий. Последняя, Сокращенная редакция Летописца была составлена около 1850 года. Изучение истории создания и текста Выго-Лексинского летописца позволило выявить эволюцию поздней старообрядческой летописной традиции и ее очевидную связь с состоянием духовной жизни религиозной общины.

Вечером 26 ноября участники конференции собрались на пленарном заседании (председатели — Р. Штихель и Г. М. Прохоров). Открыл заседание доклад канд. искусствоведения О. М. Иоаннисяна (Государственный Эрмитаж) «Памятники владими́ро-суздальского зодчества как исторические источники эпохи Андрея Боголюбского и Всеволода

Большое Гнездо». Он был продолжением доклада, сделанного ранее на заседании Отдела древнерусской литературы ИРЛИ, где были представлены архитектурные свидетельства того, что мастера к князю Андрею Боголюбскому пришли от Фридриха Барбароссы. Настоящий доклад — вторая часть работы — содержит исторические доказательства. Андрей Боголюбский, как показал ученый, занимал позицию между Византией и Западом и был интересен и тем и другим, особенно Западу (докладчик обратил внимание на то, что в западных источниках этот русский князь именовался «цесарем»).

В докладе С. Матхаузеровой (Прага) «К параллелям в исторической повествовательной литературе» были приведены несколько примеров образности в агиографических текстах. На сравнении двух житий, Прокопия Устюжского и Прокопа Сазавского, были раскрыты разные функции агиографической мистики средневековой повествовательной литературы. Сходство имен подчеркивается сходством чудодений. На основе сходства чудодений был поставлен вопрос о возможности реальных исторических связей.

Доклад Е. К. Ромодановской (Новосибирск) «Тобольская летопись и Сибирский архив» касался чрезвычайно важного вопроса истории позднейшего летописания — взаимоотношения летописи и документа. Эта проблема была рассмотрена на примере «Описания о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее» (летописного памятника второй половины XVII века) и послужившей, по мнению докладчицы, его источником «Росписи сибирским воеводам, которые посланы были в Сибирь со 153-го году [и] в нынешнем по 167-м году». Отметив характерность «перечневой» типа для позднего летописания, Е. К. Ромодановская сделала вывод, что летопись «все более уступает место „росписи“, по своей структуре и характеру текста почти совпадая с документом».

Д. К. Уо (Сизтл) сделал доклад «Местное самосознание, религия и „изобретение“ регионального прошлого». История возникновения исторического повествования на Вятке тесно связана с развитием культа местных святых и особенно с почитанием иконы Николая Великорецкого. Хотя считается, что икона явилась в XIV веке и возникновение крестного хода с ней датируется временем не намного более поздним, скорее всего, возникновение культа датируется серединой XVI века. Только после принятия иконы в Москве город Хлынов стал важным религиозным центром, и только спустя столетие начали писать раннюю историю иконы на основании устных легенд. Приблизительно в это время началась вятская историография. Расширение культа иконы, развитие вятской исторической мысли и местного самосознания — все сочетается в одном памятнике начала XVIII века, в известной «Повести о стране Вятской». В ней выражается идея вятской исключительности, глав-

ным образом потому, что Хлынов является «богоспасаемым городом». Получается, что возникновение местного самосознания на Вятке является поздним феноменом, как раз в ответ на стремление правительства и церкви централизовать власть и воссоздать общенациональное самосознание. Такой вывод ставит под вопрос важные черты общепринятой схемы «модернизации» в эпоху Петра Великого.

27 ноября был экскурсионным днем. Участники Вторых Лихачевских чтений посетили Екатерининский дворец в г. Пушкине (Царское Село), где им посчастливилось увидеть недавно отреставрированную Янтарную комнату, и побывали в Константиновском дворце в Стрельне, восстановленном к 300-летию С.-Петербурга.

В день рождения Д. С. Лихачева участники конференции, сотрудники Пушкинского Дома, коллеги Д. С. Лихачева и его ученики приехали на его могилу в Комарово, а затем отслужили панихиду в Князь-Владимирском соборе. Вечером на пленарном заседании (председатели — О. В. Творогов, Б. Ф. Егоров и А. В. Кобак) с воспоминаниями о Д. С. Лиха-

чеве выступили А. А. Фурсенко, Й. Накамура, А. С. Кушнер, С. О. Шмидт,⁵ М. П. Сотникова, Б. Ф. Егоров, В. Е. Багно. В. П. Бударягин прочитал свои стихи, посвященные Д. С. Лихачеву. Сотрудник Благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева О. Л. Лейкинд представил интернет-сайт «Академик Д. С. Лихачев». После этого участники конференции увидели фильм «Неизвестный Лихачев», снятый внучкой Д. С. Лихачева З. Ю. Курбатовой.

Последняя часть вечернего заседания была посвящена подведению итогов Вторых Лихачевских чтений. Выступившие Е. К. Ромодановская и Н. Ф. Котляр отметили чрезвычайную содержательность конференции и высокий уровень ее организации, а закрывший заседание О. В. Творогов выразил надежду на новую встречу в год столетия со дня рождения Д. С. Лихачева.

⁵ С. О. Шмидт не смог присутствовать на конференции; на заседании был прочитан текст его выступления.

© С. А. Семячко,
© В. А. Ромодановская